

В записях 1970–1971 годов М.М. Бахтин формулирует основные тезисы задуманной им работы о сосуществовании в тексте молчания и слова. Перекликаясь с изложенными в монографии о Достоевском особенностями слова у писателя, эти идеи могут послужить основным принципом соотношения в романах Достоевского присутствия / отсутствия речи: «Молчание – осмысленный звук (слово) – пауза составляют особую логосферу, единую и непрерывную структуру, открытую (незавершимую) целостность» [2].

Логосфера – единая смысловая плоскость, где равнозначными оказываются как слово, так и его отсутствие. Молчание возможно лишь в человеческом мире, как знак именно человеческого присутствия. Следовательно, молчание также диалогично у Достоевского, оно значимо как выражение определенной позиции и оценки в общении между двумя сознаниями. Безмолвие (пауза в различных проявлениях), обрамляющее слово или заменяющее (прерывающее) слово, выражает степень приближенности к Логосу. Слово, таким образом, устремлено к своему высшему пределу – «слово как последняя (высшая) цель» [Там же].

В романах Достоевского, где действует система повествовательных намеков, где важнейшие художественные смыслы часто уведены в подтекст, где между героями преобладают отношения интуитивного порядка (прозрение, предвидение, предчувствие), для диалога зачастую слова и не требуются. В «Преступлении и наказании» такой диалог всегда пронизан молчанием, которое реализуется, в первую очередь, в *паузах умолчания*. Данный термин предлагается для обозначения пауз, прерывающих диалог (полилог) героев на словесном, но не смысловом уровне, в условиях диалога как сопряжения ценностных позиций героев и восприятия друг друга как равноправных субъектов.

Паузы умолчания выступают в романе прежде всего как знаки узнавания людей, их душ, сознаний поверх эмпирического опыта и обозначают выход на метафизический уровень – сверхзнание друг о друге. Типичной в этом смысле представляется сцена между Разумихиным и Раскольниковым: «В коридоре было темно; они стояли возле лампы. *С минуту они смотрели друг на друга молча.* Горевший и пристальный взгляд Раскольникова как будто усиливался с каждым мгновением, проницал в его душу, в сознание. Вдруг Разумихин вздрогнул. Что-то странное как будто прошло между ними... Какая-то идея проскользнула, как будто намек; что-то ужасное, безобразное и вдруг понятое с обеих сторон... Разумихин побледнел как мертвец» [3. С. 240. Курсив здесь и далее наш. – В.М.]. Взаимопроникновение сознаний возможно в *ситуациях безмолвия* как при диалоге, так и между несколькими людьми. В таких сценах все происходящее описывается сквозь призму сознания Раскольникова, его мнительность.